

Николай Хрипков

Роман в диалогах

Николай Иванович Хрипков

Роман в диалогах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70512025

SelfPub; 2024

Аннотация

О чем люди говорят в очередях, общественном транспорте, на скамейке перед домом. Случайно подслушанные разговоры.

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	12
5	13
6	14
7	16

Николай Хрипков
Роман в диалогах

1

– Чего ждем?

– Получку.

– Давно?

– Пятый месяц.

– Ну, бывает и подольше ждут. Некоторые так и не дожидаются, отправляются навсегда в те края, где уже никакой получки не потребуется.

– Даааа...

– Вы что-то сказали?

– Да говорю, что хуже нет, чем ждать да догонять.

– Кого догонять?

– Ну, эти... цивилизованные страны.

– А мы их что ... догоняем?

– Да нет! Скорей уж наоборот.

– Вы что ... коммунист?

– Бывший.

– Да подождите! Мы все бывшие. Начиная отсюда и до-сюда.

– Что? И Чубайс тоже?

– Спрашиваете!

– И Гайдар?

– Ну, само собой.

– Вот не поверил бы! А как же тогда...

– Что?

– Ну, как же...

– А помните нашу старую песню: «Есть у революции начало...»

– «Нет у революции конца».

– Вот-вот! Нету! А ведь тоже не последняя штука в народном хозяйстве.

– Вы думаете, что имеется в виду этот самый?...

– Конечно! А раз этого, извините за грубость, конца нету, то вот оно-то шеркается, шеркается на нас, на низах, навалившись на нас сверху, а облегчить нас никак не может.

– Вон оно как!

– А ты, как думал! Ну, пока! Жди её и она того...

– Спасибо, товарищ... господин...

– Так точно, господин прохожий!

2

– Вот так живешь-живешь, а сам считаешь, что пока не живешь, что настоящая жизнь впереди, а эта пока так себе. Ну, вроде черновика... Не понравилось, выбросил. Что попало можно черкать. Знаешь же, ведь это черновик. А к черновику какое может быть отношение? А потом просыпаешься как-нибудь больной, немолодой уже, тоскливо на душе до ужаса, и понимаешь – ё-моё! – жизнь-то прошла. Всё думал, что черновик, вроде бы как бы еще и не родился по-настоящему. А тут и понимаешь: ни хрена себе черновик, если жизнь прошла.

– Бойтесь умирать?

– Не то слов... Нет, оно страшно, конечно. Но не веришь. Сознанием-то понимаешь, что будет конец. Как не быть? Непременно будет. Прекрасно понимаешь. А вот существом не веришь: как это я и того. Ведь я – это мир, космос, вселенная. Не может вселенная исчезнуть. Ведь вселенная – это всё-всё-всё. И как это всё может исчезнуть? Ведь это когда НИЧЕГО невозможно воспринять. Существо наше этого не принимает.

– Но, может быть, это как сон. Когда спишь, ничего не чувствуешь, не видишь, не слышишь. Мы когда засыпаем, так каждый раз умираем. И даже на биологическом уровне процессы всякие замедляются. Вроде как репетиция смер-

ти... Нет, не репетиция, а некоторая доля смертности. Вот так точнее.

– Подождите! Не перебивайте меня! Разве мы о смерти можем точно знать? Никогда этого не будет. Если мы будем точно о смерти знать, то смерти не будет.

– Но ведь даже наука о смерти есть. Танатология, кажется.
– Да что вы с наукой суетесь, ей Богу! Нет такой науки и не может быть. А если есть такая наука, значит, вся эта наука – ерунда. Вы разве не можете понять, что если жизнь – это познание, то ТАМ ни-че-го. Незнание полное. Ну, разве можно что-то знать, если там полное незнание, абсолютное. Абсолютное Незнание Ничего.

– Ну, на биологическом уровне допустим?

– Тьфу ты, черт! Ни к ночи будь помянут! Ведь это вне всякого биологического. Это, пока мы живем, для нас значит биология, органика, неорганика. А Там этого просто нету, абсолютно нету.

– Ладно. А вот череп ваш после смерти останется?

– И что?

– Останется. Так это череп ваш или не ваш?

– Это сейчас он мой.

– А потом будет мой что ли?

– Не ехидничайте! Просто там нет этого, мой, твой, наш, ваш. Нет никакой индивидуальности, субъективности. Есть Нечто, которое всё и которое ничто.

– Уууу! С вами завоешь! Какие мы, однако, гегельянцы!

– Да ну вас! Я серьезно. Чего же обзывать? Пейте! Чай остывает.

3

– Ты мне можешь объяснить, что происходит?

– Грабят.

– Ну, жадные они, безнравственные. Но ведь не дураки же... Должны понимать, что жертву нельзя лишать всего, отбирать у неё последнее. Ведь доведенный до отчаяния человек готов на всё...

– Кто там может понимать? Кто? Самый набольший – алкаш, никогда умом не отличавшийся. С двойки на тройку закончивший свой заборостроительный институт. Гайдар? Будь он умным, давно бы понял, что живет в России, а не в Канаде. Чубайс, коробками таскающий доллары принародно? Про толстомордого и говорить нечего.

– Всё равно. Вот я их стараюсь понять. И не могу... Ведь вокруг них такая энергия проклятия! Весь народ проклиняет... В конце концов, есть история, где каждому воздается сторицей. Ну, о себе не думаешь, подумай о своих потомках. Их же тоже прокляли до седьмого колена. И никакая Англия не спасет твоих внуков... Да и как можно жить, ненавидимым всеми? Не понимаю. Не любите вы свою родину, не любите свою мать, не любите народ, который обрекаете на вымирание... Что же вы за люди? Да и люди ли вы?

– И я не столько вопросом «Почему это произошло?» мучаюсь, сколько вопросом «Как же они так могут?» Иуда, про-

давший Христа за тридцать сребреников в конце концов не выдержал груза предательства. И здесь не простое преступление, а величайшее предательство. Это равноценные вещи: предать Божьего Сына и предать собственный народ. Человеческими естественными причинами этого не объяснить. Я Гитлера готов понять: затмение на почве арийской идеи. А тут-то что за идея? Если это конец света, сошествие дьявола в человеческом облике, то почему молчит церковь? Кому же, как не ей, ближе всего стоящей к Богу, не распознать дьявола и не сказать об этом во всеуслышание народу? Тогда же последняя опора будет выбита из-под ног богопротивной власти. Тогда и слепой распознает за великолепными костюма и галстуками, звериный и мохнатый лик дьявольский. Прозреет народ, и это будет последний день сатанинской власти. Но вместо этого высшие иерархи снимаются вместе с дьявольским отродьем, улыбаются ему. Действуют с ним заодно... Уж не... язык не поворачивается, но ведь вывод напрашивается сам собой. Не хочется верить... Иерархи же – тоже люди, могут заблуждаться, ведомы им и человеческие чувства – страх за свою судьбу... Но не до такой же степени? Веками говорить о страстях Господних, о святых, пошедших на лютую казнь... и вот... Не укладывается в голове.

– Да много ли мы знаем? А сколько священников погибло!

– С амвонов проклятию нужно предать, как Иуду!

УТРЕННИЙ РАЗВОД, или СОН ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

- Смирно! Равняйся!
- Здравствуйте, негоспода наемные работники!
- Здравия желаем, господин работодатель!
- Поздравляю вас, с очередным понижением заработной платы!
- Ураааааа!
- Слушайте мой приказ! Иванова, Петрова, Сидорова уволить в запас без выплаты выходного пособия. Иванов! Петров! Сидоров! Три шага вперед! Приказ понятен?
- Так точно, господин предприниматель!
- Направо! С территории предприятия шагом марш! С сегодняшнего дня с целью увеличения прибыльности предприятия отменяются увольнительные, дополнительные пайки и денежное довольствие. Поздравляю вас с этим, негоспода наемные работники!
- Служим господину работодателю! Ура!
- Первые пятнадцать рядов направо, остальные налево! На рабочие места бегом шагом марш!

УРА! И МЕНЯ!

– Мужики! Представляете! Меня сейчас грабанули! Иду. Ну, там с Морского проспекта переулок налево... Ну, знаете! Фонарей почти нет. Где-то один далеко светится. И тут от угла на меня движется что-то темное. Три парня. Ну, не то чтобы здоровые. Но понимаю, что блатняк. «Дай закурить!» Даю. «Мы такие не курим! Чо ты нам парашу суешь?» И по мордасам мне. Устоял. А тут чувствую в бок суют. Нож, значит. «Деньги давай!» «Да я студент, – говорю. – Какие у меня деньги?» Ну, часы сняли. А часы барахло. Дешевка. «Куртку давай!» Снял куртку, шапку сорвали. Блин, чуть уши не отморозил, пока добежал... Грабанули, мужики! Представляете!

6

– Ты чо? Фонарик потуши! А вдруг он где-то рядом. Заметит же!

– Прости! Не подумал!

– Не подумал он! А мне секир башка, да и не одна. Фу! Маловато, конечно.

– Да что я тебе грузовик? И так все руки оттянул. Да и жена ругается, куда продукты пропадают из дома.

– Да! У тебя хоть жена есть. А у меня никого. Ни жены, ни ребенка, ни котенка. Спасибо хоть тебе. А то бы здесь давно с голода окочурился. А всё из-за этого паразита. Чтоб ему... Ну, что я ему сделал?

– Ты бы хоть на ночь выбирался свежим воздухом подышать. У тебя тут задохнуться можно. Зловоние такое! Следующий раз придется противогаз с собой брать. Как ты тут можешь жить?

– Ага! Тебе хорошо говорить! Выбрался я как-то наверх. Дышу в три глотки. Звезды, луна, кикиморы всякие, русалки. Лепота! Ну, и расслабился! А он откуда ни возьмись налетел, гад. Даже по ночам не спит. Ну, и давай мечом-кладенцом размахивать. Всякие угрозы кричать. Еле ноги унес. Хорошо я быстро бегаю, а то бы...

– А огнем не пробовал?

– Как не пробовал? Пробовал! А как же? Так он же, под-

люга такой, теперь поверх кольчуги пожарный костюм надевает.

– Не надо, пожалуйста! Я что-нибудь придумаю.

– Ну, есть же там комитет по экологии, зеленые, полиция, мэрия! Найдите вы на него управу! Это же бандюган. А я в единственном экземпляре остался. Меня в «Красную книгу» надо.

– Ну, ладно! Мне пора! Не плачь! Ты же знаешь, что я всё делаю, но не так-то это просто.

– Знаю! Знаю!

– Стой! Кто идет?

– Свои!

– Ты это... по ночам-то осторожнее! А то знаешь, так можешь залететь.

– Да сказки всё это! Брехня!

– Знаете, время от времени у нас собирают ученых и отправляют их в народ с лекциями по линии общества «Знание». В тот раз мне выпало поехать на Дальний Восток. И вот мне предстояло прочитать лекцию у военных моряков. Привозят на корабль, отчитался, как положено. А у них в этот день как раз проходил конкурс боцманов. Оказывается, есть на флоте такое мероприятие. Ну, и мне предложили по-присутствовать. Среди разных состязаний есть оказывается и состязание по мату. Причем, чуть ли не самое главное. Чем лучше боцман выражается, тем он выше ценится. И каждый капитан старается заполучить такого боцмана к себе на корабль.

Что творилось, когда началось главное состязание!

– А можно мне попробовать?– спрашиваю я.

Посмотрели на меня снисходительно. Какой-то интеллигентик, сморчок в очках. Куда уж ему до морских волков! Хотя пускай попробует! Жалко что ли! Самые матерые боцманы продержались не более пяти минут. Если какое-то выражение употреблял вторично, всё – выступление на этом заканчивалось. Боцматы-то – стихийные матершинники. Я же подошел к этому делу по-научному. В голове сразу сложилась картинка, где всё систематизировано, классифицировано. Вроде как оглавление книги! И по порядку пошел, по

пунктикам, от одного к другому. И продержался целых двадцать две минуты. Подходит ко мне после конкурса вице-адмирал, жмет крепко руку. «Знаешь,— говорит,— это фантастика! Если своими бы ушами не слышал, ни за что бы не поверил». И предлагает мне перейти на флот.

– Да я вроде ученый,— говорю.

– Занимайся ты своей наукой сколько угодно. Только хотя бы раз в год проводи у нас семинары для боцманов. Учи ты их этому искусству! Мы тебе и зарплату будем платить. И премию, и паек! Всё, как положено!

Я всё-таки отказался от столь лестного предложения. А на вице-адмирала страшно было смотреть. Такое было впечатление, что он потерял по меньшей мере целый крейсер.